

А.В.Гилёв

ВДОВЫ, СКУПОСТЬ И БОГАТОЕ НАСЛЕДСТВО: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕЕМНИЧЕСТВА В СТРАНАХ АЗИИ¹

Ключевые слова: политическое преемничество, Южная, Юго-Восточная и Восточная Азия, политические элиты, семейственность

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Институт преемника: модель воспроизводства власти и перспективы модернизации в современном мире» (проект № 11-03-00198 а). Автор благодарит Маргариту Завадскую, Петра Панова и Владимира Гельмана за ценные советы.

² Wolf 1977.

Чандрика Кумаратунга родилась в необычной семье. И ее отец Солломон Бандаранаике, и ее мать Сиримаво Бандаранаике были премьер-министрами Цейлона. Прошли годы, Цейлон был переименован в Шри-Ланку, сменил парламентскую форму правления на президентскую, и Чандрика Кумаратунга стала президентом страны. Младший брат Чандрики Анура Бандаранаике надеялся, что сестра уступит этот пост ему, но его надежды не оправдались.

Для страны с республиканским устройством описанная семейная история кажется экзотичной. Однако я полагаю, что такого рода случаи семейного правления, весьма распространенные в современной Азии, не стоит рассматривать как пережиток прошлого или следствие укоренившихся в обществе монархических настроений. Ведь использование родственных связей — давно известный способ поддержания обязательств: авторитет семьи может компенсировать плохо работающие (либо просто-напросто отсутствующие) формальные институты², например политические партии. В расположенной неподалеку от Шри-Ланки Малайзии власть уже несколько десятилетий передается подобно эстафетной палочке внутри правящего блока «Национальный фронт» — устойчивой и институционализированной организации. Наличие института преемничества роднит Шри-Ланку и Малайзию, в остальном мало похожие друг на друга, с пестрой палитрой других государств Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. Многочисленные примеры наследования власти дают и богатый Сингапур, и бедный Бангладеш, и демократическая Индия, и авторитарный Тайвань. Кто-то из выдвинувшихся таким образом правителей прочно удерживал власть, как Махатхир Мохамад в Малайзии, кто-то быстро терял ее, как Бухаруддин Хабиби в Индонезии.

Институт преемничества привлек внимание отечественных авторов в связи с передачами власти в России в 2000-е годы. При этом при

³ См. Борисова, Сулимов [Borisova, Sulimov] 2012.

исследовании данного феномена они обычно ориентировались на хорошо известный опыт Мексики³. Между тем мировой контекст не исчерпывается Мексикой и ее латиноамериканскими соседями. Для более полного понимания того, как работает преемничество и что в российской специфике на самом деле совсем не специфично, целесообразно обратиться к сравнительному анализу максимального числа разнообразных случаев. Во-первых, при таком анализе можно задействовать количественные методы. Во-вторых, можно сопоставить случаи «чистого» преемничества со случаями символического наследования, когда спустя годы или даже десятилетия после смерти лидера правителем становится его близкий родственник или родственница, что, в свою очередь, даст возможность проследить влияние самых разных факторов. И в этом плане особенно интересен регион Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии.

Но прежде чем приступать к непосредственному анализу опыта преемничества, имеет смысл вкратце остановиться на тех особенностях данного института, которые позволяют сравнивать «непосредственное» преемничество с преемничеством символическим.

Преемничество как институт

⁴ North 1990.

⁵ Bueno de Mesquita et al. 2003.

⁶ Axelrod 1984; Олсон 2010.

⁷ Панов, Сулимов [Panov, Sulimov] 2011.

Институты, формальные и неформальные, необходимы для того, чтобы поддерживать ощущение надежности соглашений (credible commitment) и взаимное доверие⁴. Ни один лидер не в состоянии контролировать власть единолично и потому вынужден выстраивать выигрышные коалиции, распределяя ресурсы между союзниками⁵. И лидер, и элиты, формирующие выигрышные коалиции, заинтересованы в соблюдении взаимных обязательств. Однако перспектива скорой смены лидера может порождать недоверие к договоренностям, подталкивая участников коалиции к предательству и выбору «хищнических» стратегий в условиях укороченного временного горизонта⁶. Появление преемника позволяет отодвинуть временной горизонт, а институционализированное преемничество, ставшее частью политического порядка⁷, делает этот горизонт как бы бесконечно далеким.

Мощь лидера обеспечивается поддержкой со стороны достаточного числа элитных групп. Эта поддержка может рассматриваться как *игра координации*: чтобы сделать выбор, каждой элитной группе приходится предугадывать выбор других. В итоге условием успеха становится совместный выбор в пользу одного лидера, а элитная группа, не угадавшая выбор других, рискует остаться без выигрыша. В подобной игре координации участникам необходим «ключ» для согласования поведения, который Томас Шеллинг называл *фокальной точкой*. Фокальная точка — это точка, где сходятся взаимные ожидания, или, в изысканной формулировке самого Шеллинга, ожидания «каждого по поводу того, что другие ожидают, что он ожидает, что они ожидают от него, что он ожидает от них именно таких ожиданий по поводу его действий»⁸. Фокальность означает нахождение в положении первого по умолчанию.

⁸ Шеллинг [Schelling] 2007: 78.

Так, действующий лидер *ex officio* оказывается в фокусе внимания элит, ищущих выигрышные коалиции.

В ситуации, когда инкумбент не имеет возможности претендовать на сохранение поста, он может символически передать свой фокальный статус преемнику. Другими словами, преемничество как институт есть своеобразный способ сохранения фокальности, несмотря на смертность лидеров, возможность потери ими популярности, старость, болезни, конституционные ограничения и прочие обстоятельства.

В своей классической работе «Выход, голос и верность» Альберт Отто Хиршман пишет: «Из разговоров с исследователями поведения животных... я понял, насколько гладко и эффективно решена у бабуинов задача преемственности лидерства, создающая столько трудноразрешимых проблем в человеческих обществах»⁹. У упомянутых Хиршманом бабуинов вожаки постепенно делятся с преемниками своими властными функциями. В человеческих сообществах, особенно со слабыми институтами, подобная тактика постепенной передачи полномочий используется довольно редко, будучи чревата возникновением заговоров и дезориентацией элит¹⁰, ведь для сохранения выигрышной коалиции элитам нужна единая фокальная точка, а не два параллельных центра власти.

Закрытые авторитарные режимы вынуждены институционализировать передачу власти. Традиционные монархии используют в этих целях династическое право, однопартийные автократии — партийные институты. Военные режимы часто не успевают решить эту проблему, увязнув в порочном круге переворотов, хотя иногда и они удачно оснащаются институтами, свойственными другим режимам, превращаясь в «гибридные»¹¹. В состязательных автократиях¹², как и в демократических системах, правящим группам приходится легитимировать передачу власти на всенародных выборах. При этом институт преемничества может дополнять собой институт выборов или даже — в случае слабости и неэффективности последнего — замещать его¹³. Хрестоматийным примером такого замещения является практика *dedazo* в Мексике, где на протяжении десятков лет избиратели *de facto* только утверждали кандидатуру президентского преемника. Но даже при формальном вынесении вопроса о новом лидере за пределы узкого круга его решение требует от политиков работы по созданию выигрышной коалиции, включающей влиятельных представителей элит и электоральных брокеров.

Стратегия преемничества может укрепить или ослабить выигрышную коалицию правящей группы, упрочить или подорвать ее позиции на выборах. Поэтому было бы неверно сводить исход *операции «преемник»* к дихотомии «успех—неудача». Ведь успех или неудача при передаче власти больше говорят об инкумбенте¹⁴, чем о преемнике. Эффект преемника проявляется в первую очередь в относительном ослаблении или усилении правящей группы после передачи власти. В связи с этим в настоящей работе основное внимание будет уделено не уходящим лидерам и их мотивации при выборе «наследника», как правило

⁹ Хиршман [Hirschmann] 2009: 14.

¹⁰ Егоров, Сонин [Egorov, Sonin] 2008.

¹¹ Geddes 2003.

¹² Levitsky, Way 2002.

¹³ Helmke, Levitsky 2004.

¹⁴ Fiorina 1981; Greene 2007.

¹⁵ См., напр. Brownlee 2007b.

находящимся в фокусе анализа¹⁵, а последствиям передачи власти. Меня будет интересовать вопрос: в каких случаях преемничество в странах Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии служило сохранению и укреплению правящей группы на электоральной арене, а в каких приносило больше издержек?

Факторы преемничества

Как уже упоминалось, преемничество в странах Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии обычно принимает форму передачи власти либо внутри семейного круга, либо внутри правящей партии.

Передача власти внутри семейного круга характерна для так называемой клановой политики. Подобная политика не тождественна nepoтизму — ведь речь идет отнюдь не о пристраивании родственников на выгодные посты с прагматичными целями или из родственных чувств. Клановая политика может быть выгодна не только семьям лидеров, но и подчиненным им элитам. Действительно, передача власти близкому родственнику часто оказывается оптимальным решением. Как справедливо отмечает Джейсон Браунли, *преемничество по наследству* (hereditary succession) позволяет лидеру максимально ослабить риски предательства со стороны преемника, а элитным группам — минимизировать риски изменения состава выигрышной коалиции¹⁶.

¹⁶ Ibidem.

Клановая политика, по сути, подразумевает передачу фокального статуса соратнику по клану, когда прежний лидер больше не в состоянии сохранять его. При этом главными движителями такой передачи могут выступать элиты, а сами наследники, лишённые властных амбиций, принимать внезапно свалившуюся на них власть как одежду старшего брата. Крайние примеры подобного рода преемничества по наследству имели место в закрытых автократиях — при переходе власти к Башару Асаду в Сирии¹⁷ и Ким Чон Ёну в КНДР¹⁸.

¹⁷ Stacher 2011.

¹⁸ Heung 2011.

Передача власти по наследству, очень напоминающая монархические практики и потому весьма экстравагантно выглядящая в современных государствах, как правило, привлекает к себе основное внимание исследователей. Между тем обозначенные выше ситуации фактически представляют собой соединение семейных практик и практик, свойственных кланам и клиентам (при доминировании последних)¹⁹.

¹⁹ См. Teehankee 2001; Pappas 2009.

²⁰ Geddes 2003; Langston 2006.

В политиях с сильными институционализированными партиями обеспечение взаимных обязательств сопряжено с гораздо меньшими проблемами²⁰, а потому правящим группам нет необходимости обращаться к родственным связям для маркирования преемственности. Так, в Малайзии в последней четверти XX — начале XXI в. власть стабильно передавалась от лидера к лидеру внутри доминирующей партии²¹.

²¹ Brownlee 2007b; Pepinsky 2009.

Однозначная артикулированная поддержка инкубентом фигуры, не имеющей с ним родственных связей, является для элитных групп столь же очевидным сигналом, как и выдвижение родственника. Поэтому случаи родственного и неродственного преемничества могут трактоваться как разные стороны одного и того же феномена.

Рассматривая фигуру преемника, можно выделить три составляющих его мощи: (1) персональную мощь, (2) статусную мощь, (3) наследованную мощь. Человеческий и социальный капитал, в том числе управленческие навыки и популярность, следует отнести к *персональной мощи* (П). *Статусную мощь* (С) обеспечивает нахождение на посту главы государства, а *наследованную* (Н) — ассоциация с предыдущим лидером. Предложенная типология отсылает к идеальным типам легитимности по Макс Веберу.

$$\text{Мощь преемника} = \text{П} + \text{С} + \text{Н}$$

Таким образом, успех преемничества может быть интерпретирован как результат наращивания отдельных составляющих мощи и, как следствие, мощи в целом. На основании приведенной формулы можно выдвинуть несколько гипотез.

Потенциал наследованной мощи зависит от того, является ли преемник родственником символического предшественника (то есть прежнего правителя, с которым он ассоциируется). Правомерно предположить, что при наличии родственных отношений с символическим предшественником преемнику легче добиться внимания и поддержки со стороны элитных групп. Вместе с тем большой разрыв во времени между завершением срока правления символического предшественника и приходом к власти преемника может затруднить наследование политической клиентелы, социального капитала, харизмы и других ресурсов.

Гипотеза 1. Успеху преемничества способствует наличие близких родственных связей между новым лидером и его символическим предшественником.

Гипотеза 2. Успеху преемничества препятствует временной разрыв между окончанием срока правления символического предшественника и приходом к власти нового лидера.

Потенциал статусной мощи может быть ограничен влиянием политических элит. Статусная мощь определяется пребыванием в *фокальной точке* и поддержкой со стороны выигрышной коалиции²². Относительная открытость политического режима, задающая широкие возможности для построения выигрышных коалиций, обеспечивает большую маневренность элит, но при этом освобождает лидера от необходимости добиваться максимального отрыва от конкурирующих партий и доводить свое преимущество до «трагического блеска»²³. Другими словами, в относительно открытых режимах преемник может довольствоваться более «скромным» успехом.

Чтобы быть эффективным, господство политического лидера должно быть обеспечено ресурсами²⁴. Лишаясь подавляющего ресурсного преимущества, правящая группа рискует утратить свое доминирующее положение²⁵. Если лидеру нечем платить за лояльность, у элиты возникает стимул отказаться от его поддержки.

²² Bueno de Mesquita et al. 2003.

²³ Diaz-Cayeros, Magaloni, Weingast 2001.

²⁴ В настоящей статье я оставляю за скобками природу этих ресурсов, равно как и вопрос о том, могут ли ресурсы «проклятием», или ресурсная зависимость возникает в результате стратегического выбора правящей группы. Подробнее см. Ross 2001; Haber, Menaldo 2011.

²⁵ Greene 2007; Грин [Greene] 2011.

Гипотеза 3. Успеху преемничества способствует закрытость режима.

Гипотеза 4. Успеху преемничества способствует ресурсная обеспеченность правящей группы.

Потенциал персональной мощи обеспечивается экономическими успехами нового лидера. У избирателей есть стимулы наказать правителя за экономические просчеты²⁶, и элиты имеют основания ожидать от них такого поведения.

²⁶ Fiorina 1981.

Для элит важно, чтобы преемник сохранил за собой статусную мощь, но они не заинтересованы в наращивании им персональной мощи, так как это может сделать его слишком независимым, что повысит риски реформирования выигрышной коалиции. Неудивительно, что преемниками часто становятся лица, не обладающие самостоятельным политическим весом, в том числе вдовы, дочери, сестры политиков. В Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии «хранительницами памяти» о героической, иногда даже мученической судьбе лидеров-предшественников нередко выступали женщины²⁷. И поскольку персональная слабость увеличивала их привлекательность для элитных групп, «стигма» женского пола превратилась в своего рода «знак качества» для преемника²⁸. В 10 из 18 зафиксированных мною случаев появления родственников прежних правителей на посту главы государства²⁹ новым лидером оказывалась женщина.

²⁷ Thompson 2007.

²⁸ См. Goffman 1990.

²⁹ В дальнейший анализ вошли 16 из них, поскольку ввиду краткосрочности правления из выборки выпали случаи братьев Прамотов в Таиланде и Пак Кын Хе (дочери Пак Чжон Хи) в Республике Корея.

Гипотеза 5. Успеху преемничества способствует экономический рост.

Гипотеза 6. Успеху преемничества способствует принадлежность нового лидера к женскому полу.

Операционализация переменных

Зависимые переменные. Успешность преемничества определяется на основании результата, достигнутого новым лидером (точнее, прямо ассоциированной с ним партией) на следующих после передачи власти парламентских выборах. Для этого используются показатели *относительной разницы голосов* (relative margin in votes — RMV)³⁰ на выборах и *относительной разницы мест* (relative margin in seats — RMS) в парламенте.

³⁰ Подробнее о разнице голосов см. Грин [Greene] 2001.

Разница голосов отражает электоральное преимущество стороны, поддерживающей преемника, над ее главным соперником. Из доли голосов, поданных за партию нового лидера ($Vp2$), вычитается доля голосов, поданных за самую сильную из конкурирующих партий ($Vo2$), после чего из полученной разницы вычитается аналогичная разница голосов для той же партии на предшествующих передаче власти выборах ($Vp1 - Vo1$).

$$RMV = (Vp2 - Vo2) - (Vp1 - Vo1)$$

Вместе с тем мы можем ожидать, что правящая сила прибегнет к стратегии, нацеленной на максимизацию мест в парламенте посред-

ством максимизации результатов в конкретных округах. Поскольку в этом случае относительная разница голосов не будет отражать успешность преимущества, вводится альтернативная переменная — относительная разница мест. Разница мест отражает положение элиты в парламенте. Из доли мест в нижней палате парламента, доставшихся партии нового лидера (*Sp2*), вычитается доля мест самой сильной из конкурирующих партий (*So2*), а затем из полученной разницы вычитается аналогичная разница мест для той же партии по итогам предшествующих передаче власти выборов (*Sp1 — So1*).

$$RMS = (Sp2 - So2) - (Sp1 - So1)$$

Данные о результатах голосования и распределении мест в парламентах почерпнуты из справочников электоральной статистики под редакцией Дитера Нолена и его коллег, официальных сайтов избирательных комиссий и электорального архива Адама Карра³¹.

³¹ Nohlen et al. 2001; <http://psephos.adam-carr.net/>; <http://www.comelec.gov.ph/>; <http://www.spr.gov.my/>; <http://ecp.gov.pk/>; <http://www.jpp.co.jp/>.

Независимые переменные. Для проверки гипотезы о влиянии родственных связей введена биномиальная переменная *семья*. Новым лидерам, состоящим в близком родстве или свойстве с символическими предшественниками, присваивалось значение 1, прочим — 0.

Временной разрыв между символическим предшественником и новым лидером вычислялся следующим образом: из года приобретения высшего государственного поста новым лидером вычитался год ухода или гибели его символического предшественника.

Открытость режима рассчитывалась по модифицированной формуле условий широкой коалиции Брюса Буэно де Мескиты и его коллег³², созданной на основе четырех индексных показателей баз данных CNTS и Polity IV³³: военный/гражданский режим; состоятельность рекрутирования исполнительной власти; открытость рекрутирования исполнительной власти; конкурентность политического участия. В зависимости от открытости/закрытости режима каждому из четырех параметров присваивалось значение 1 или 0, после чего вычислялось среднее арифметическое.

³² Bueno de Mesquita et al. 2003: 134—135.

³³ См. Banks s.a.; Marshall s.a.

Ресурсная обеспеченность правящей элиты аппроксимировалась показателем ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в год парламентских выборов (в ценах 2005 г.). **Экономический рост** рассчитывался как разница показателей ВВП на душу населения в год парламентских выборов и в год, предшествующий парламентским выборам. Для анализа использовались данные Penn World Tables³⁴.

³⁴ Heston, Summers, Aten 2012.

Наиболее простой для операционализации оказалась переменная *пол*: женщины-преемники были закодированы как 1, мужчины — как 0.

В качестве контрольной переменной был задействован также параметр *избирательная система* — доля мест в парламенте, отведенная для депутатов-мажоритариев.

Выборка. При определении выборки сложнее всего отделить преемничество от пограничных случаев. В соответствии с предложенной моделью я анализирую случаи передачи фокального статуса от старого лидера к новому. При таком подходе разница между уходящим лидером и лидером покойным не столь существенна: для получения символического мандата может быть достаточно родственной связи с «великим предком», если эта связь очевидна для элит.

Таким образом, в выборку попадают случаи как непосредственного преемничества, родственного и неродственного (личного или партийного), так и преемничества, удаленного во времени, в том числе те, когда символический мандат был приобретен уже после смерти родственника-правителя. Важно отметить, что удаленное во времени преемничество может работать только при наличии родственной связи, ибо в иной ситуации сигналы о преемственности окажутся недостаточными и не будут считываться элитными группами.

По понятным причинам в выборку вошли только те режимы, в которых выборы имеют значение, то есть электоральные демократии и электоральные автократии. Мною рассматривались все азиатские регионы, за исключением Ближнего Востока и постсоветского пространства. Кроме того, за рамки исследования была выведена Япония, где специфическое переплетение династической и партийной политики делает идентификацию преемничества проблематичной.

В результате в выборку оказались включены 25 случаев преемничества из истории Индии, Индонезии, Южной Кореи, Малайзии, Непала, Сингапура, Таиланда, Тайваня, Филиппин и Шри-Ланки после 1960 г. В их числе 15 непосредственных и 10 удаленных во времени преемничеств.

Следует оговориться, что ввиду крайне небольшого числа случаев регрессионный анализ в настоящей статье служит скорее описательным инструментом. Модели, полученные на основе одной региональной выборки, не поддаются автоматической генерализации, и обнаруженные закономерности нуждаются в верификации на материале других макро-регионов.

Анализ случаев

В представленных ниже таблицах, суммирующих результаты анализа, модели рассчитаны как для полной, так и для малой выборки, охватывающей только те случаи, когда власть наследовалась сразу же или с небольшим (до трех лет) перерывом. Вследствие неполноты данных по некоторым показателям количество случаев в моделях различается. Переменные *ресурсная обеспеченность* и *экономический рост* были логарифмированы, поскольку их изначальное распределение не является нормальным.

В *табл. 1* приведены результаты анализа влияния описанных выше независимых переменных на успех правящей элиты в приобретении голосов. Устойчивый характер носит влияние *открытости*

режима, и влияние это положительное. С увеличением закрытости политические режимы больше «проседают» и меньше выигрывают от преэминичества.

Таблица 1 Преэминичество и укрепление электорального господства

<i>Переменные</i>	<i>Модель 1</i>	<i>Модель 2</i>	<i>Модель 3</i>	<i>Модель 4</i>	<i>Модель 5</i>
Открытость режима	1,14** (0,36)		0,77** (0,31)	0,75*** (0,25)	0,80** (0,27)
Пол	-0,37* (0,16)	-0,38** (0,13)	-0,17 (0,13)		-0,20* (0,11)
Семья	-0,00 (0,11)		0,06 (0,12)		0,10 (0,09)
Временной разрыв			0,00 (0,00)		
Экономический рост (log)	-0,15 (0,48)		-0,08 (1,27)		
ВВП (log)	-0,08 (0,06)	-0,08* (0,04)	-0,03 (0,03)		-0,03 (0,03)
Доля мажоритариев	0,30* (0,14)	0,30** (0,11)	0,13 (0,10)		
Константа	-0,98 (2,14)	-0,37 (0,38)	-0,92 (6,08)	-0,64*** (0,19)	-0,47 (0,28)
N	13	13	20	23	20
R ²	0,80	0,79	0,48	0,31	0,40
Скорректированный R ²	0,60	0,69	0,18	0,28	0,24

В скобках приведены стандартные ошибки.
*** p<0,01; ** p<0,05; * p<0,1.

Только на малой выборке наблюдается отрицательное воздействие на успешность преэминичества *ресурсной обеспеченности* режима (доли ВВП на душу населения). Более обеспеченные режимы несут бóльшие потери от преэминичества.

Значимой переменной является также *доля мажоритариев*. Мажоритарная избирательная система помогает правящей группе добиться высоких электоральных показателей при преэминичестве. Вероятно, при борьбе в округах союзы с локальными элитами оказываются эффективнее, чем при голосовании по партийным спискам. Данная закономерность тоже прослеживается исключительно на малой выборке — при непосредственной передаче власти или при передаче власти с небольшим перерывом.

Наконец, и на полной, и на малой выборке выявляется меньшая электоральная успешность «женского» преэминичества по сравнению

с «мужским». Новый лидер, не обладающий высоким потенциалом персональной мощи и тем самым привлекающий элитные группы, не встречает большой поддержки у населения. Вопреки изначальной гипотезе, избиратели в исследуемых регионах гораздо охотнее голосуют за партии мужчин-преемников, чем за партии женщин-преемников.

Любопытно, что наличие *родственных связей* не оказывает серьезного влияния на электоральную успешность преемничества. То же самое относится и к *временному разрыву* между правлениями символического предшественника и символического преемника. Соответственно, обращение элит к наследнику-родственнику может трактоваться как ситуативная или вынужденная мера, «запасной вариант», причем не устаревающий с годами. Не обнаруживается влияния на успешность преемничества и *экономического роста* накануне выборов.

Как и следовало ожидать, относительная разница мест оказалась менее чувствительной к воздействию предикторов (см. *табл. 2*). На малой выборке (в моделях 6 и 7) вновь значимо влияние *доли мажоритариев*. Неудивительно, что при непосредственной передаче власти или передаче ее с небольшим перерывом отчетливо проявляется «заморажи-

Таблица 2 Преемничество и укрепление парламентского господства

<i>Переменные</i>	<i>Модель 6</i>	<i>Модель 7</i>	<i>Модель 8</i>	<i>Модель 9</i>	<i>Модель 10</i>
Открытость режима	0,10 (0,37)		0,52 (0,36)	0,74** (0,33)	0,57* (0,32)
Пол	-0,27 (0,20)		-0,19 (0,17)	-0,18 (0,11)	-0,23 (0,15)
Семья	0,08 (0,12)		0,20 (0,14)		0,21* (0,12)
Временной разрыв			-0,00 (0,01)		
Экономический рост (log)	0,22 (0,54)		0,19 (1,60)		
ВВП (log)	-0,02 (0,07)		0,06 (0,05)		0,06 (0,04)
Доля мажоритариев	0,49** (0,18)		0,08 (0,13)		
Константа	0,38 (2,43)		-0,20 (7,61)	-0,63** (0,24)	-1,06** (0,38)
N	15	16	22	25	22
R ²	0,662	0,521	0,385	0,207	0,356
Скорректированный R ²	0,401	0,487	0,078	0,135	0,205

В скобках приведены стандартные ошибки.

*** p<0,01; ** p<0,05; * p<0,1.

³⁵ При последовательном исключении случаев с перерывом в три, два и один год положительное влияние мажоритарной избирательной системы возрастает.

вающий» эффект мажоритарной избирательной системы³⁵. При полной выборке, учитывающей случаи дистантной трансляции фокального статуса, влияние избирательной системы уже не чувствуется.

При полной выборке на относительную разницу мест (даже без поправки на избирательную систему) влияют те же факторы, что и на относительную разницу голосов, — только намного слабее. Большая закрытость режима способствует более резкому сокращению преимуществ в парламентских местах. А «женское» преимущество вновь уступает по эффективности «мужскому», хотя и при меньшем уровне значимости. Так, в модели 9 переменная *пол* едва преодолевает 10-процентный уровень значимости.

В отличие от моделей электоральной успешности, в моделях парламентской успешности неощутимо влияние *ресурсной обеспеченности*. Незначимыми являются также факторы *временного разрыва* с символическим предшественником и *экономического роста*. Зато прослеживается влияние переменной *семья*, причем в полном соответствии с гипотезой влияние это положительное. Практически во всех моделях преимущество по наследству оказывается эффективнее неродственного.

Интерпретация случаев

Рассмотрим список случаев и то, насколько удачно обнаруженные закономерности предсказывают результат в каждом из них (см. *табл. 3* и *4*). В *табл. 3* в сжатом виде приведены данные об открытости режима (открытый, закрытый и средний, то есть полузакрытый), поле нового лидера, избирательной системе (пропорциональная, смешанная, мажоритарная), ресурсной обеспеченности режима (высокая или малая), реальном приросте разницы голосов и прогнозе, вытекающем из модели 2, применительно к случаям непосредственного преемничества. В *таб. 4* с прогнозом (на основе модели 5) сопоставлен реальный прирост разницы голосов для преемничества с длительным временным разрывом между преемником и его символическим предшественником. Жирным шрифтом выделены успешно предсказанные случаи, курсивом — недооцененные и переоцененные.

Выявленные закономерности хорошо объясняют провал Бахарудина Хабиби (преемника многолетнего авторитарного лидера Индонезии Сухарто), который пошел на выборы без страховки в виде мажоритарно избираемой части парламента. Дополнительные потери связаны, по-видимому, с экономическим шоком конца 1990-х годов³⁶.

Не вызывают удивления и серьезные электоральные потери Самака Сундаравета, сменившего на посту партийного лидера Таксина Чиннавата, который был вынужден покинуть Таиланд после военного переворота 2006 г.: ввиду бойкота оппозицией прошлых выборов партия Чиннавата получила на них гигантское преимущество, воспроизвести которое в условиях возобновившейся электоральной конкуренции было невозможно.

³⁶ *Pepinsky 2009.*

Таблица 3
Непосредственное преимичество

<i>Лидер</i>	<i>Год</i>	<i>Предшественник</i>	<i>Страна</i>	<i>Режим</i>	<i>Пол</i>	<i>Избранная система</i>	<i>Ресурсная обес-печенность</i>	<i>Прогноз</i>	<i>Разница</i>
Бухаруддин Хабиби	1998	Мухамед Хаджи Сухарто	Индонезия	Закр.	М	Проп.	Мал.	-50%	-63%
Ли Дэи Хуэй	1988	Цзяи Цинго	Тайвань	Закр.	М	Смеш.	Выс.	-44%	н.д.
Цзяи Цзинго	1978	Чан Кайши	Тайвань	Закр.	М	Смеш.	Выс.	-42%	н.д.
Самак Сундарават	2008	Таксин Чиннават	Таиланд	Закр.	М	Смеш.	Выс.	-33%	-39%
Сиримаво Бандаранаикэ	1960	Соломон Бандаранаикэ	Шри-Ланка	Сред.	Ж	Маж.	Мал.	-22%	-15%
Ранасингхе Премадаса	1989	Джунуис Джаяварденэ	Шри-Ланка	Сред.	М	Проп.	Мал.	-20%	-2%
Ли Сяньлун		Го Чок Тонг	Сингапур	Сред.	М	Маж.	Выс.	-14%	-13%
Го Чок Тонг	1990	Ли Кван Ю	Сингапур	Сред.	М	Маж.	Выс.	-10%	+0%
Наджиб Разак		Абдулла Бадави	Малайзия	Сред.	М	Маж.	Выс.	-4%	-7%
Абдулла Бадави	2003	Махатгир Мохамад	Малайзия	Сред.	М	Маж.	Выс.	-3%	+7%
Махатгир Мохамад	1981	Хусейн Онн	Малайзия	Сред.	М	Маж.	Выс.	+3%	+3%
Индира Ганди	1966	Джавахарлал Неру	Индия	Откр.	М	Маж.	Мал.	+3%	-3%
Хусейн Онн	1976	Абдул Разак	Малайзия	Сред.	М	Маж.	Мал.	+5%	-4%
Раджив Ганди	1984	Индира Ганди	Индия	Сред.	М	Маж.	Мал.	+12%	+17%
Ро Дэ У	1988	Чон Ду Хван	Корея	Откр.	М	Смеш.	Выс.	+16%	+4%

Таблица 4
Символическое преимущество

<i>Лидер</i>	<i>Год</i>	<i>Предшественник</i>	<i>Страна</i>	<i>Режим</i>	<i>Пол</i>	<i>Прогноз</i>	<i>Разница голосов</i>
Чандрика Кумаратунга	1994	Сиримаво Бандаранаике	Шри-Ланка	Сред.	Ж	-17%	0%
Беназир Бхутто	1988	Зульфикар Али Бхутто	Пакистан	Сред.	Ж	-15%	-9%
Шейх Хасина Вазед	1996	Шейх Муджибур Рахман	Бангладеш	Сред.	Ж	-13%	-5%
Халеда Зия	1991	Зия Зиаур Рахман	Бангладеш	Сред.	Ж	-13%	-4%
Йинглак Чиннават	2011	Таксин Чиннават	Таиланд	Сред.	Ж	-	+13%
Гириджа Прасад Коирала	1991	Бишешвар Прасад Коирала	Непал	Закр.	М	-12%	-7%
Мегавати Сукарнопутри	2001	Сукарно	Индонезия	Откр.	Ж	+2%	-14%
Глория Макапагал-Арройо	2001	Диосдало Макапагал	Филиппины	Откр.	Ж	+3%	-6%
Асиф Али Зарлари	2008	Беназир Бхутто	Пакистан	Сред.	М	-	-25%
Бенитно Акино	2010	Корасон Акино	Филиппины	Откр.	М	-	+45%

³⁷ Langston 2006.

В связи с отсутствием полных данных мы не можем судить, насколько чувствительным для Гоминьдана явился переход власти в 1978 г. к сыну Чан Кайши Цзян Цинго, а затем, в 1988 г., к Ли Дэн Хуэю. Однако именно при последнем авторитарный режим Тайваня дал трещину³⁷.

Вполне предсказуемыми оказываются потери правящих партий в режимах средней степени открытости. Такой поворот событий имел место при передаче власти «наследникам» исторических лидеров — Беназир Бхутто в Пакистане, Халеде Зие и Хасине Вазед в Бангладеш, а также Сиримаво Бандаранаике на Цейлоне. Из этого ряда выпадает лишь уверенный выигрыш Йинглак Чиннават, сестры Таксина Чиннавата, в Таиланде.

В финансово обеспеченном Сингапуре часть прежнего преимущества растерял Ли Сяньлун, наследник основателя и многолетнего лидера страны Ли Кван Ю. В чуть меньшей степени ухудшился результат у Наджиба Разака, выдвинутого Махатхиром Мохамадом в качестве преемника Абдуллы Бадави в Малайзии. В изначально более закрытой непальской политике не смог удержать электоральное преимущество представитель влиятельной династии Гириджа Прасад Коирала.

Преемники в среднем обходились своей партией в 6% относительной разницы голосов и 14% относительной разницы мест (в малой выборке — 7 и 11% соответственно). В такой ситуации небольшие потери могут трактоваться как успех преемничества.

В условиях открытого режима уверенную победу одержали символический наследник филиппинского президента Корасон Акино Бенигно Акино и сын и непосредственный преемник погибшей Индиры Ганди Раджив Ганди. Хороший результат в свое время показала и сама Индира Ганди, несмотря на «стигму» женского пола лишь незначительно «уронившая» преимущество Индийского национально-конгресса. Несколько хуже, но все же успешнее среднего выступила Глория Макапагал-Арройо, дочь экс-президента Филиппин. В рассматриваемых условиях проиграла только Мегавати Сукарнопутри, дочь отца-основателя Индонезии Сукарно, лишившая свою партию возможности удержаться у власти. Во всех этих случаях господство предшественника не обеспечивалось авторитарностью режима и ресурсной мощью.

В полузакрытой Малайзии весьма успешной оказалась передача власти — при опоре на мажоритариев — Махатхиру Мохамаду. Предшественники Мохамада не имели финансовых возможностей накопить преимущество, которое тот, со своей стороны, не мог растерять. В аналогичном положении находился Хуссейн Онн, свояк и партийный преемник премьера Малайзии Абдула Разака. Однако Онн хотя и продемонстрировал хороший результат, не смог максимально использовать все возможности. В свою очередь первый преемник Махатхира Мохамада Абдулла Бадави выступил даже лучше, чем можно было прогнозировать. Вероятно, подобный «сверхуспех» Бадави, на которого уже давила финансовая мощь предшественника, объяснялся довольно

высокими показателями оппозиции на прошлых выборах, состоявшихся в непростых условиях южно-азиатского финансового кризиса конца 1990-х годов.

Более высоких, по сравнению с прогнозируемыми, электоральных результатов добился и Го Чок Тонг, формальный лидер Сингапура в период между премьерствами многолетнего правителя страны Ли Кван Ю и его сына Ли Сяньлуна. Одно из возможных объяснений этого феномена заключается в том, что ушедший в тень Ли Кван Ю по-прежнему сохранял большое влияние в государственном аппарате.

В группе «мужских» преемничеств в режимах средней открытости неудачным было только преемничество Асифа Али Зардари, мужа Беназир Бхутто, пришедшее на время «размораживания» режима после неконкурентного авторитарного периода.

В еще одном полуоткрытом режиме, шриланкийском, партийному преемнику многолетнего президента страны Джуниуса Джаявардене Ранасингхе Премадасу неожиданно удалось обойтись минимальной потерей голосов. Возможно, этому способствовала инерция эффектов мажоритарной системы, только накануне выборов замененной пропорциональной. Наконец, корейский режим времен преемничества Ро Дэ У, тоже оказавшегося в ряду исключений, мог проявлять эффекты «закрытости» вследствие инерции длительного военного правления.

Заключение

³⁸ Slater 2010: 7.

По замечанию Дэна Слейтера, «хотя отбор случаев из одного региона зачастую влечет за собой смещение выборки, их отбор из Юго-Восточной Азии помогает избежать этой очевидной ловушки»³⁸. Расширение такой выборки за счет стран Южной и Восточной Азии позволяло бы делать самые широкие экстраполяции полученных выводов, если бы не ограниченное число случаев. В связи с этим обнаруженные закономерности следует рассматривать лишь как фундированные гипотезы для дальнейших исследований.

Первая важная закономерность — закрытость режима и небольшой размер выигрышной коалиции подрывают электоральную силу нового лидера.

Вторая закономерность — недостаток персональной мощи (в частности, ввиду принадлежности к «стигматизированному» в регионе женскому полу) негативно сказывается на электоральной успешности преемничества.

Третья закономерность — ресурсная обеспеченность не только не помогает, но даже препятствует успешности непосредственного преемничества. В политиях, опирающихся на ресурсное доминирование, появление нового лидера чаще приводит к утрате правящей партией своего электорального преимущества.

Можно также говорить об эффекте «проседания»: лидеры, принимающие власть у авторитарных и обеспеченных ресурсами правителей, легче теряют электоральное преимущество. В богатых и относительно

защищенных от конкурентов закрытых режимах поддержка мощных правящих партий при преемничестве сокращается — подобно тому, как ссыхаются спиленные бивни слонов.

Ослабить действие указанных факторов способна электоральная формула: чем выше доля депутатов, избираемых по мажоритарной системе, тем легче правящей группе удержать свое преимущество при передаче власти преемнику.

³⁹ Brownlee 2007a.

Ceteris paribus родственное преемничество — более эффективный инструмент сохранения власти, чем неродственное (что соответствует наблюдениям Джейсона Браунли³⁹). Но положительное воздействие семейного родства намного слабее влияния других факторов. В связи с этим едва ли приходится удивляться тому, что в двух фортах семейственности — Индии и Шри-Ланке — династические цепочки семейств Ганди и Бандаранаике прервались в начале XXI в.

Осторожным элитам может быть удобно, что при преемничестве по наследству наследником часто оказывается фигура, не обладающая сколько-нибудь выраженной персональной мощью (например, не имеющая политического опыта вдова лидера). Такая фигура выглядит идеальной как «чистейшая» фокальная точка, не перегруженная персоналистскими амбициями. Поэтому неудивительно, что значимость родственных связей как одного из возможных фокальных сигналов для элит не ослабевает с годами. Дочь национального лидера может успешно консолидировать элиты независимо от того, правил ли этот лидер недавно или несколько десятилетий назад. Так, лидером оппозиции в современной Мьянме остается Аун Сан Су Чжи, чей отец и символический предшественник Аун Сан погиб еще в 1947 г. В то же время подобные фигуры легче утрачивают благосклонность избирателей и едва ли могут считаться оптимальными для удержания электорального доминирования.

Таким образом, возникает «дилемма преемника»: обстоятельства, наиболее благоприятные для находящейся у власти коалиции элит (закрытость режима, зависимый преемник, ресурсная обеспеченность), оказываются менее благоприятными с точки зрения успешности преемничества. По крайней мере, именно об этом свидетельствует опыт Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии.

Библиография

Борисова Н.В., Сулимов К.А. 2012. Воспроизводство власти в современной России: преемничество как инвариант? // *Политическая наука*. № 3 [Borisova N.V., Sulimov K.A. 2012. Vosproizvodstvo vlasti v sovremennoj Rossii: preemnichestvo kak invariant? // *Politicheskaja nauka*. № 3].

Грин К.Ф. 2011. Политическая экономия авторитарного однопартийного доминирования // *Полития*. № 1 [Greene K.F. 2011. Politicheskaja ehkonomija avtoritarnogo odnopartiijnogo dominirovanija // *Politeia*. № 1].

Егоров Г., Сонин К. 2008. Диктаторы и визири: экономическая теория лояльности и компетентности // *Общественные науки и современность*. № 2 [Egorov G., Sonin K. 2008. Diktatory i viziri: ehkonomicheskaja teorija lojal'nosti i kompetentnosti // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. № 2].

Олсон М. 2010. Диктатура, демократия и развитие // *Экономическая политика*. № 1 [Olson M. 2010. Diktatura, demokratija i razvitie // *Ehkonomicheskaja politika*. № 1].

Панов П.В., Сулимов К.А. 2011. Преемничество как способ воспроизводства власти: проблемы концептуализации // *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*. № 4 [Panov P.V., Sulimov K.A. 2011. Preemnichestvo kak sposob vosproizvodstva vlasti: problemy konceptualizacii // *Vestnik Permskogo universiteta. Serija «Politologija»*. № 4].

Хиршман А.О. 2009. *Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств*. — М. [Hirschmann A.O. 2009. *Vykhod, golos i vernost'*: Reakcija na upadok firm, organizacii i gosudarstv. — М.].

Шеллинг Т. 2007. *Стратегия конфликта*. — М. [Schelling T. 2007. *Strategija konflikta*. — М.].

Axelrod R.M. 1984. *The Evolution of Cooperation*. — N.Y.

Banks A. *The Cross-National Time-Series (CNTS) Data Archive* (<http://www.databanksinternational.com>).

Brownlee J. 2007a. *Authoritarianism in an Age of Democratization*. — N.Y.

Brownlee J. 2007b. Hereditary Succession in Modern Autocracies // *World Politics*. Vol. 59. № 4.

Bueno de Mesquita B. et al. 2003. *The Logic of Political Survival*. — Cambridge.

Fiorina M.P. 1981. *Retrospective Voting in American National Elections*. — New Haven.

Diaz-Cayeros A., Magaloni B., Weingast B.R. 2001. *Tragic Brilliance: Equilibrium Party Hegemony in Mexico*. — Stanford.

Geddes B. 2003. *Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics*. — Ann Arbour.

Goffman E. 1990. *Stigma: Notes on Management of Spoiled Identity*. — N.Y.

Greene K.F. 2007. *Why Dominant Parties Lose: Mexico's Democratization in Comparative Perspective*. — N.Y.

Haber S., Menaldo V. 2011. Do Natural Resources Fuel Authoritarianism? A Reappraisal of the Resource Curse // *American Political Science Review*. Vol. 105. № 1.

Helmke G., Levitsky S. 2004. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // *Perspectives on Politics*. Vol. 2. № 4.

Heston A., Summers R., Aten B. 2012. *Penn World Table Version 7.1, Center for International Comparisons of Production, Income and Prices at the University of Pennsylvania* (https://pwt.sas.upenn.edu/php_site/pwt_index.php).

- Heung Jung Park.** 2011. Political Dynamics of Hereditary Succession in North Korea // *International Journal of Korean Unification Studies*. Vol. 20. № 1.
- Langston J.** 2006. Elite Ruptures: When Do Ruling Parties Coalesce? // Schedler A. (ed.) *Electoral Authoritarianism: the Dynamics of Unfree Competition*. — Boulder.
- Levitsky S., Way L.** 2002. The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*. Vol. 13. № 2.
- Marshall M.** *Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions: 1800—2012* (<http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>).
- Nohlen D.** et al. 2001. *Elections in Asia and the Pacific: A Data Handbook*. — Oxford.
- North D.C.** 1990. *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. — N.Y.
- Pappas T.** 2009. Patrons Against Partisans: The Politics of Patronage in Mass Ideological Parties // *Party Politics*. Vol. 15. № 3.
- Pepinsky T.B.** 2009. *Economic Crises and the Breakdown of Authoritarian Regimes: Indonesia and Malaysia in Comparative Perspective*. — N.Y.
- Ross M.L.** 2001. Does Oil Hinder Democracy? // *World Politics*. Vol. 53. № 3.
- Slater D.** 2010. *Ordering Power: Contentious Politics and Authoritarian Leviathans in Southeast Asia*. — N.Y.
- Stacher J.** 2011. Reinterpreting Authoritarian Power: Syria's Hereditary Succession // *The Middle East Journal*. Vol. 65. № 2.
- Teehankee J.** 2001. Emerging Dynasties in the Post-Marcos House of Representatives // *Philippine Political Science Journal*. Vol. 22. № 45.
- Thompson M.** 2007. Presidents and People Power in Comparative Asian Perspective // *Philippine Political Science Journal*. Vol. 28. № 51.
- Wolf E.** 1977. Kinship, Friendship, and Patron-Client Relations in Complex Societies // Schmidt S., Lande C., Guasti L., Scott J. (eds.) *Friends, Followers, and Factions*. — Berkeley.